

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 343.985.7:343.81

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ПРОЦЕССЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Андрей Александрович Нуждин¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, nuzhdin.a.a@apu.fsin.gov.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных форм взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов в процессе выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений осужденными в исправительных учреждениях. Цель исследования – определение основных форм взаимодействия, их классификация по уголовно-процессуальному основанию. В результате установлено, что взаимодействие должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений – основанная на нормативных актах согласованная по целям, задачам, обстановке деятельность различных субъектов, направленная на выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: взаимодействие, должностное лицо, предупреждение, выявление, расследование, преступление, осужденный, исправительное учреждение

Для цитирования

Нуждин А. А. Методологические аспекты взаимодействия должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 73–81.

MANAGEMENT VECTOR

Original article

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF OFFICIALS IN THE PROCESS OF CRIMINALISTIC PREVENTION OF PENITENTIARY CRIMES

Andrey Aleksandrovich Nuzhdin¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, nuzhdin.a.a@apu.fsin.gov.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the main forms of interaction between law enforcement officials in the process of identifying and eliminating the circumstances that contributed to the commission of crimes committed by convicts in correctional institutions. The purpose of the study is to identify the main forms of interaction and classify them according to the criminal procedure basis. As a result, it has been established that the interaction of officials in the process of criminalistic prevention of penitentiary crimes is an activity of various entities based on normative acts, coordinated in terms of goals, objectives, and situation, aimed at identifying and eliminating the circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes.

Keywords: interaction, official, prevention, detection, investigation, crime, convict, correctional institution

For citation

Nuzhdin, A. A. 2026, 'Methodological aspects of the interaction of officials in the process of criminalistic prevention of penitentiary crimes', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 73–81.

Введение

Эффективность предупреждения пенитенциарных преступлений зависит от успешного взаимодействия уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов (дознаватели, следователи, оперативные уполномоченные учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, прокуроры, экспертно-криминалистические центры) [1]. Отдельным вопросам взаимодействия правоохранительных органов в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений посвящены диссертационные исследования ряда ученых (Н. А. Аменицкая, Р. В. Зимин, О. Н. Игнатова, Т. А. Паутова, Е. В. Санькова, В. М. Усынин, А. Ю. Чайка). Вопросы межведомственного взаимодействия в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений рассматривались А. Г. Бакунчевым, Р. Г. Мироновым и др. Теория взаимодействия активно разрабатывалась в советский период (А. А. Аксенов, В. М. Аتماжитов, В. М. Капулин). В настоящее время также готовятся диссертации, посвященные взаимодействию правоохранительных органов в сфере борьбы с пенитенциарной преступностью, но нередко они носят закрытый характер.

Основная часть

Как и любые другие формы, взаимодействие при организации предупреждения пенитенциарных преступлений обладает определенными признаками:

1) осуществляется в соответствии с действующим законодательством как межотраслевого уровня (например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации), так и ведомственного характера (Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» или Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»);

2) является совместной и согласованной деятельностью. Взаимодействие – всегда совместная деятельность, она требует наличия не менее двух субъектов (сотрудник исправительного учреждения и следователь Следственного комитета Российской Федерации или работник прокуратуры и следователь Следственного комитета Российской Федерации). В условиях исправительного учреждения данная деятельность также является согласованной, поскольку дознаватель, следователь осуществляют ее координацию между субъектами предупреждения;

3) организуется в конкретной обстановке, направление взаимодействия строго определено. Взаимодействие, согласованное по месту и времени, возможно только при проведении конкретных мероприятий (производство следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий). Взаимодействие организационного характера (исполнение требований дознавателя, следователя, подбор необходимых документов) происходит в условиях единой обстановки расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений;

4) выступает многоуровневой деятельностью. Взаимодействие – разноплановая система совместной деятельности: процессуальной и непроцессуальной (организационно-управленческой, оперативно-розыскной);

5) сочетает комплекс средств, приемов и методов. Интенсивность и результативность взаимодействия зависит от грамотного сочетания имеющихся в распоряжении должностных лиц средств, приемов и методов предупредительной деятельности;

6) указывает на главенствующую роль лица, производящего расследование. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством «следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования» (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Как справедливо отметил Р. С. Белкин, «объем полномочий следователя определяет его руководящую роль, он непосредственно лично несет ответственность за принимаемые решения и результаты расследования в целом. Деятельность иных участников предварительного следствия «подстраивается» под задачи, поставленные следователем, согласуется с ними. Однако, поскольку термин «взаимодействие» традиционно используется для обозначения этой деятельности, нет смысла при дальнейшем изложении заменять его каким-либо другим» [2, с. 662].

На основании изложенного можно сформулировать определение взаимодействия должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений – основанная на законе и подзаконных нормативных актах согласованная по целям, задачам, обстановке деятельность различных субъектов, направленная на выявление и последующее устранение обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Анализ эмпирических источников¹ позволил выявить и охарактеризовать различные формы межведомственного взаимодействия в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений. Традиционно взаимодействие можно подразделить на процессуальное и непроцессуальное [3 с. 71–75].

Основной процессуальной формой взаимодействия выступает исполнение письменных поручений дознавателя, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий. В связи с этим в уголовно-процессуальной теории возник вопрос: каков процессуальный статус отдельных должностных лиц уголовно-исполнительной системы? Ряд ученых (Н. Г. Шурухнов [4, с. 49–57], С. И. Гирько [5]) полагают, что должностные лица уголовно-исполнительной системы не наделены полномочиями органа дознания при буквальной трактовке уголовно-процессуального законодательства. Ввиду этого заслуживает внимания точка зрения Б. Я. Гаврилова, согласно которой «сама постановка вопроса о наделении органов и учреждений уголовно-исполнительной системы процессуальными полномочиями органа дознания и их должностных лиц в научной среде и практиками воспринимается неоднозначно, поскольку есть как убежденные сторонники, так и противники реализации данной идеи, главный аргумент которых заключается в том, что уголовно-процессуальная детальность не входит в перечень изложенных в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации основных целей и задач уголовно-исполнительной системы и в целом уголовно-исполнительного законодательства» [6, с. 82].

На практике ситуация сложилась таким образом, что должностные лица исправительных учреждений исполняют отдельные поручения дознавателя, следователя. Данное обстоятельство подтверждается как анализом материалов уголовных дел (в 59,8 % изученных материалов наличествовали поручения на производство следственных действий (оперативно-розыскных мероприятий), из них в 46,9 % случаев их исполняли сотрудники уголовно-исполнительной системы), так и опросом дознавателей, следователей – в 75,9 % случаев ими давались данные поручения; сотрудники уголовно-исполнительной системы в 36,0 % случаев привлекались к производству следственных действий, в 24,0 % – иных процессуальных действий, в 40,0 % – к проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Однако указанные поручения практически не содержат запросов, ориентированных на выявление причин и условий, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Лишь в 4,5 % проанализированных документов усматривались отдельные, нередко разрозненные сведения, которые можно было бы использовать в предупредительных целях. Это свидетельствует о том, что предупреждение преступлений не воспринимается следователями и дознавателями как неотъемлемая, сквозная задача всего производства по уголовному делу.

Центральной, но, к сожалению, недостаточно задействованной процессуальной формой, специально предназначенной для целей предупреждения, является внесение представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Диспозитивность данной нормы – «вправе

---

¹ Представленный материал основан на анализе 482 архивных уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях в 28 субъектах Российской Федерации; опросе 1386 сотрудников исправительных учреждений, осуществляющих свою деятельность в 47 территориальных органах уголовно-исполнительной системы; 218 следователей (дознавателей) органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации.

внести» – на практике трансформируется в ее факультативность, что ведет к резкому снижению количества таких документов.

Углубленный анализ статистических данных выявил тревожную тенденцию:

1) низкая частота использования. Представления содержались лишь в 15,2 % изученных уголовных дел. Это означает, что в подавляющем большинстве случаев уголовное судопроизводство завершается без какого-либо официального процессуального реагирования на причины и условия, выявленные в ходе расследования;

2) проблема формализма. Более двух третей внесенных представлений (74,0 %) носят формальный, шаблонный характер. Их содержание часто сводится к общим фразам («усилить воспитательную работу», «улучшить оперативную обстановку»), не содержащим конкретных, адресных и исполнимых рекомендаций;

3) низкая эффективность. Лишь в 4,6 % случаев рекомендации, изложенные в представлениях, в полной мере коррелировали с установленными по делу обстоятельствами, способствовавшими совершению преступлений. Это указывает на поверхностный анализ причин и условий и отсутствие глубокой проработки вопроса совместно с администрацией исправительного учреждения.

Проведенный опрос сотрудников органов предварительного расследования выявил некий диссонанс: 65,8 % респондентов указали на то, что вносили подобные представления, а 81,1 % – что проверяли их исполнение. Однако эмпирические данные (анализ уголовных дел) и результаты опроса сотрудников УИС демонстрируют иную картину: 66,0 % сотрудников исправительных учреждений отметили, что в их учреждении такие представления не вносились. Особенно показателен ответ руководителей исправительных учреждений – 90 % из них не сталкивались с данными документами. Этот разрыв между ведомственными отчетами и реальной практикой требует серьезного осмысления.

Кроме представления, к процессуальной форме взаимодействия можно отнести и уведомление о принятых мерах, направляемое дознавателю, следователю. В соответствии с законом такое уведомление должно быть направлено в течение месяца. Однако данный документ не подшивается в материалы уголовного дела, что создает значительную проблему для последующего контроля и анализа эффективности принятых мер. Проследить реальную «судьбу» представления за пределами данного уголовного дела становится практически невозможным.

Опрос сотрудников УИС показал, что лишь 16,0 % из них непосредственно исполняли представления, внесенные дознавателем, следователем. Наибольшая доля исполнителей – среди сотрудников оперативных подразделений (29,0 %), что логично с учетом специфики их работы. При этом 68,0 % респондентов никогда не получали поручений на исполнение подобных представлений, а 2,0 % – открыто признались в их игнорировании. Вместе с тем важно отметить и позитивную инициативу: в среднем 27,0 % сотрудников (среди оперативников – 45,0 %) самостоятельно, в рамках своих полномочий, устраняли выявленные криминогенные обстоятельства, что в 100 % случаев подтверждается материалами уголовных дел.

Важно подчеркнуть, что любая деятельность, осуществляемая в рамках уголовно-процессуального законодательства, является процессуальной, независимо от формы, вида и круга участников.

Существуют и непроцессуальные (организационно-управленческие) формы взаимодействия [7] должностных лиц, которые являются действенным инструментом предупреждения пенитенциарных преступлений.

Эффективность предупреждения пенитенциарных преступлений во многом определяется не столько процессуальными предписаниями, сколько качеством повседневного организационного взаимодействия. К его ключевым формам относятся:

1. Совместная работа на месте происшествия [8, с. 17–26]. Этот вид взаимодействия представляет собой не разовое действие, а сложную, многоуровневую систему координации усилий:

– информационный обмен (первоначальный обмен имеющимися данными, изучение уже проведенных действий, выработка общего понимания сложившейся ситуации и определение первоочередных направлений предупредительной работы);

– оперативное обеспечение [9] (деятельность оперативных сотрудников УИС по непосредственному обеспечению работы дознавателя, следователя: идентификация и опрос очевидцев, проведение оперативных опросов, сбор ориентирующей информации, обеспечение изоляции и сохранности места происшествия в условиях исправительного учреждения);

– оперативно-тактическое комбинирование (разработка и проведение комплекса согласованных мероприятий (организационных, оперативно-розыскных, «режимных»), направленных на активное выявление латентных обстоятельств, способствовавших совершению преступления (например, установление каналов проникновения запрещенных предметов, неформальных связей между осужденными);

– совместный анализ и планирование (коллегиальное обсуждение полученных на месте результатов, формирование единой картины произошедшего, выдвижение и проверка версий, планирование дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий предупредительного характера);

– «легализация» полученной оперативными сотрудниками информации (рассекречивание данных, полученных негласным оперативно-розыскным путем, в легальные процессуальные источники, например, проведение допросов на основе полученных от конфиденентов сведений, осмотр изъятых предметов) [10, с. 60–66].

2. Совместное планирование деятельности по предупреждению пенитенциарных преступлений. Несмотря на то что за организацию расследования отвечает дознаватель, следователь, игнорирование мнения и экспертного потенциала сотрудников УИС, особенно оперативных работников, является грубой тактической ошибкой. Совместное планирование становится критически важным в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, в сложных и многоэпизодных делах, требующих проведения комплексных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Такой подход позволяет: рационально использовать силы и средства всех участников предупредительной деятельности; определить оптимальную последовательность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; сфокусировать усилия на наиболее значимых с точки зрения предупреждения обстоятельствах, основой для планирования предупредительной деятельности должна служить не просто «информация», а тщательно проанализированные, оцененные и систематизированные по целям предупреждения данные.

3. Взаимный обмен информацией и использование ее результатов [11, с. 10–14]. Сотрудники УИС обладают уникальными знаниями о специфике деятельности исправительного учреждения, об особенностях личностных свойств осужденных, о криминальной ситуации и изменениях в оперативной обстановке. Передача этих сведений дознавателю, следователю должна быть не хаотичной, а целенаправленной, конкретной и документально фиксируемой (в виде справок, рапортов).

4. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Статья 89 УПК РФ устанавливает прямой запрет на использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Следовательно, необходима их процедурная конвертация через производство следственных действий (допросы, осмотры, обыски) [12, с. 109–112]. Результаты оперативно-розыскной деятельности, как справедливо отмечает В. Н. О梅林, имеют особую ценность именно для выявления фоновых, латентных обстоятельств, способствовавших совершению преступления (например, информация о коррупционных связях, неисполнении служебных обязанностей сотрудниками, наличии неучтенных каналов связи с внешним миром).

5. Применение результатов проведения мероприятий по обеспечению режима. Уголовно-исполнительная система обладает уникальным инструментарием, не свойственным иным правоохранительным органам, – проведение режимных мероприятий (обысков, досмотров, цензуры корреспонденции, контроля переговоров). Предметы и документы, изъятые в ходе таких мероприятий, даже если они были получены вне процессуальной формы, могут содержать бесценную информацию о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений. В последующем эти сведения могут быть легализованы в рамках уголовного процесса и использованы в предупредительной деятельности.

Заключение

Таким образом, комплексное и системное взаимодействие между дознавателем, следователями и сотрудниками уголовно-исполнительной системы в процессе выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, представляет собой не вспомогательную, а стратегическую задачу. Его эффективная организация позволяет перейти от констатации фактов преступной деятельности к активной и упреждающей модели предупреждения пенитенциарных преступлений.

Качественно выстроенное взаимодействие выражается не только в экономии процессуальных и организационных ресурсов, но и в создании устойчивого барьера для рецидива преступлений, способствуя достижению целей как уголовно-процессуального, так и уголовно-исполнительного законодательства. Дальнейшее развитие рассматриваемого института требует совершенствования ведомственных инструкций и изменения правосознания дознавателей, следователей, для которых выявление (и выработка рекомендаций к последующему устранению) обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, должно стать не формальным обязательством, а профессиональной потребностью.

Список источников

1. Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 5(12). С. 60–65.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М. : Юристъ, 2001. 837 с.
3. Лимпинский Ф. В., Антонов О. Ю. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями ФСИН России при расследовании преступлений, совершенных лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы (на примере практики Пермского края) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4(34). С. 71–75.

4. Шурухнов Н. Г. Должностное лицо органа дознания – органа исполнительной власти (уголовно-исполнительной системы) как носитель процессуальных полномочий // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2023. № 9(256). С. 49–57.

5. Гирько С. И. Возвращение уголовно-исполнительной системе Российской Федерации процессуальных полномочий: этапность и последовательность шагов // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2021. № 3(226). С. 6–14.

6. Гаврилов Б. Я. Актуальные вопросы деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы как органов дознания // *Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества* : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 81–86.

7. Босак Е. Е., Холопова Е. Н. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями исправительных учреждений. М. : Юрлитинформ, 2019. 166 с.

8. Бессонов А. А. Криминалистика на защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей // *Журнал российского права*. 2025. Т. 29, № 1. С. 17–26.

9. Бородулин В. В., Ильичев Н. Н., Соловьев В. И. Организационно-тактические действия оперативного сотрудника органов внутренних дел на месте происшествия при раскрытии убийства : метод. пособие. Домодедово, 2003. 38 с.

10. Агарков А. В. Особенности осуществления оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-исполнительной системе // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 5(20). С. 60–66.

11. Гаврилин Ю. В., Шурухнов В. А. Некоторые проблемы организации взаимодействия органов расследования с подразделениями ФСИН и пути их разрешения // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2015. № 4. С. 10–14.

12. Гришин Д. А., Шурухнов Н. Г. О конвертации результатов производства оперативно-розыскных мероприятий в доказательства // *Актуальные проблемы науки и практики XXI века* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2016. С. 109–112.

References

1. Vrublevskaya, O. A. 2006, 'On the essence of the concept of "social interaction" in scientific research', *Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after Academician M. F. Reshetnev*, iss. 5(12), pp. 60–65.

2. Belkin, R. S. 2001, *Course of criminalistics*, 3rd edn, Jurist, Moscow.

3. Limpinsky, F. V. & Antonov, O. Yu. 2021, 'The investigator's interaction with the operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia in the investigation of crimes committed by persons held in institutions of the penal system (on the example of the practice of the Perm Region)', *Investigation of crimes: problems and solutions*, iss. 4(34), pp. 71–75.

4. Shurukhnov, N. G. 2023, 'Official of the body of inquiry – an executive authority (penal enforcement system) as the bearer of procedural powers', *Bulletin of the penal system*, iss. 9(256), pp. 49–57.

5. Girko, S. I. 2021, 'The return of procedural powers to the penal enforcement system of the Russian Federation: stages and sequence of steps', *Bulletin of the penal system*, iss. 3(226), pp. 6–14.

6. Gavrilov, B. Ya. 2024, 'Actual issues of the activities of bodies and institutions of the penal enforcement system as bodies of inquiry', in *The penal system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction*

with public authorities and institutions of civil society: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the Academy of the FPS of Russia, pp. 81–86, Ryazan.

7. Bosak, E. E. & Kholopova, E. N. 2019, *Interaction of the investigator with the operational units of correctional institutions*, Yurlitinform, Moscow.

8. Bessonov, A. A. 2025, 'Criminalistics for the protection of Russian traditional spiritual and moral values', *Journal of Russian Law*, vol. 29, iss. 1, pp. 17–26.

9. Borodulin, V. V., Ilyichev, N. N. & Solovyov, V. I. 2003, *Organizational and tactical actions of an operational officer of the internal affairs bodies at the scene of a murder investigation: methodological guide*, Domodedovo.

10. Agarkov, A. V. 2022, 'Features of the implementation of operational investigative measures in the penal enforcement system', *Ius Publicum et Privatum*, iss. 5(20), pp. 60–66.

11. Gavrilin, Yu. V. & Shurukhnov, V. A. 2015, 'Some problems of organizing the interaction of investigative bodies with FSIN units and ways to resolve them', *Penal system: law, economics, management*, iss. 4, pp. 10–14.

12. Grishin, D. A. & Shurukhnov, N. G. 2016, 'On the conversion of the results of operational investigative measures into evidence', in *Actual problems of science and practice of the XXI century: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 109–112, Ryazan.

Информация об авторе

А. А. Нуждин – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника юридического факультета.

Information about the author

A. A. Nuzhdin – PHD (Law), Associate Professor, deputy head of the faculty of law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 28.12.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

The article was submitted 28.12.2025; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 29.01.2026.